

Вот уже третий год приходит в театр оперы и балета им. Кирова слушать симфоническую музыку. Впрочем, слово «приходит» звучит в данном случае слишком уж буднично. Такие концерты долго ждут, ждут как праздник. И они вписываются в культурную жизнь нашего города как яркие события года. Я убеждена, что память отменит и сохранит вечер 13 марта 1981 года и впоследствии, слушая Пятую симфонию Шостаковича и кантату «Александр Невский» Прокофьева, какими бы совершенными и неожиданными не были бы новые интерпретации, мы вольно или невольно будем сравнивать их с тем, что прозвучало в тот вечер — сравнивать, сопоставлять.

Нужно ли ныне вновь обсуждать вопрос «симфоническая музыка на оперной сцене», когда сама практика ответила на него и многократно утвердила этот ответ. Ведь в сущности восстановлена и продолжена добрая старая традиция отечественной культуры — традиция Марининского театра, традиция Направинника.

Но история историй, а сегодняшний день требует свое — ленинградцы ждут встреч с Юрием Темиркановым не только как с оперным, но и как симфоническим дирижером. Не странно ли, что другие города, далекие и близкие, находясь в этом смысле в более выгодном положении.

На концерте было немало музыкантов, и каждый из них, конечно же, понимая, что значит для оркестрантов и артистов хора это событие. Праздник в зале был отражением праздника на сцене. С какой душевной отдачей, с какой ответственностью и профессиональным самоутверждением исполнялась музыка! Да, в Кировском театре первоклассный оркестр и прекрасный хор — это сомнению в этом. Но когда остается музыка в «чистом виде», без театрального антуража, когда «в» зала впечатления ложится «на слух», тогда в полной мере можно оценить высочайшую профессиональную культуру коллектива, его огромные творческие возможности. После такого концерта непозволительно начинать перебирать в памяти шедевры мировой классики (и симфонической и оперной), которые хотелось бы здесь услышать. Музыкальные коллективы Ленинграда на сегодняшний день явно не в состоянии удовлетворить интерес к симфонической и кантатно-ораториальной музыке. Но концерты в Кировском театре — отнюдь не арифметическое приложение к афише города. Отрадно отметить, что программы театра имеют свой неповторимый облик — это эталонные произведения музыки.

На этот раз были выбраны два

сочинения, символизировавшие гордость и славу советской музыки. Пятая симфония Шостаковича и кантата «Александр Невский» Прокофьева почти одномоментно — 1937 и 1938. Мы и сегодня не перестаем поражаться, насколько различны художественные миры этих двух гениальных композиторов, нашедшие столь концентрированное выражение в этих двух шедеврах. Какую бы меру сравнения не брать за основу, Шостакович и Прокофьев неизменно будут казаться антиподами. Темы, круг образов, принципы драматургии, оркестровая палитра, гармонический язык — все, казалось бы, располагается по противоположным сторонам. Прогресс и эрос, процессуальность, длинные линии и радужная наледь докопичность, скупая аскетичность графики и обильность живописи, изломанная психологизированная хроматика и ослепительная аяная диатоника...

В свое время, сравнивая Чайковского и Римского-Корсакова, обратили внимание на то, что один готов пожертвовать красотой момента ради выразительности злого и единства концепции (чего стоит, например, первое пропевание восторженной темы любви в «Ромео и Джульетте» в тусклом тембре альтио и анжмиского рожка во имя апофеозного звучания в кульминации), другой же каждый миг музыки преподносит в самом ярком виде, так, что вся партитура выглядит как красочное ожерелье. Эти два противоположных типа мышления предстают и в творчестве корифея XX века — Шостаковича и Прокофьева.

Концерт 13 марта примечателен не только тем, что в нем прозвучали два выдающихся произведения современности, но и тем, что в нем нашли отражение две генеральные тенденции отечественной музыкальной культуры. С глубоким пониманием стиля и подлинным артистизмом было продемонстрировано принципиальное отличие Шостаковича и Прокофьева.

Газетитация и своеобразно была интерпретирована Юрием Темиркановым Пятая симфония Шостаковича. С одной стороны, не было никаких отклонений от партитурных указаний, никаких попыток оригинальничанья, и вместе с тем симфония прозвучала во многом неожиданно и как будто приобрела новое измерение. Исполнительский секрет, по-видимому, заключался в том, чтобы крайне обострить драматические коллизии. Все эмоциональные состояния были доведены до максимальной определенности. Это придало исполнению высокую степень упругости и напряженности. Темновой и динамической план был выстроен как бы на пределе

возможного. Так, чрезвычайно резкий контраст отделал сосредоточенность экспозиции и обрушившуюся лавиной звучности разработку в первой части. Начало финала, идущего в чуть более быстрой темпе, чем мы привыкли по ряду исполнений, вдруг предстало в новом эмоционально-образном ключе — музыка словно задымилась в потопляющем, изматывающем судорожном беге. Танцевальная стихия второй части, обычно решаемая как улычивое бытовое интермеццо, как легкий отдых между драмами первой и третьей части, обрела какой-то «маринеточный» оттенок, и отнюдь не ласковый.

При таком драматургическом плане от оркестра потребовалась особая гибкость и сложность. Традиционные сложные места этой партитуры были преодолены без всяких непонятных компромиссов, почти без технических потерь. Были и отдельные недостатки. Такой высокий класс исполнения предполагал обильную мощь струнных в третьей части, большую ронность в хоре меди.

Кантата «Александр Невский» прозвучала в концерте величественно и монументально, и, главное, очень красиво. Кадровая, монтажная драматургия Прокофьева, его излюбленные «субито» поставили перед исполнителями совсем иные задачи — подвижность, легкость переключений, виртуозный блеск. Прекрасно пел хор — мягко и стройно, с хорошей артикуляцией, с глубоким проникновением в образную суть музыки, требовавшей разных тембровых нюансов (главный хормейстер А. Мурин). Шестая часть кантаты «Мертвое поле» в исполнении Е. Горюховой прозвучала строго и благородно; чувство глубокой скорби, заложенное в музыку, перешло в песню без ложной патетики, наполняя красками своего богатого голоса.

В изысканнейшей партитуре Прокофьева две части требуют мастерства поистине безупречного: «Ледовое побоище» и «Выход Александра во Псков». Оркестровый ансамбль в такие моменты слушается, затанов дыхание. Дирижер предложил стремительный темп, без всяких скидок на технические сложности. Оркестр и хор блестяще справились с этими виртуозными страницами партитуры, за исключением нескольких (буквально единичных) моментов, где ансамбль был не столь совершенен.

Художественный фундамент оперного театра — высокая музыкальная культура. Составившийся концерт показал, что возможности коллектива в этом смысле безграничны.

Элеонора ФРАДИНА,
музыковед

За Об. и недректо, 1981 16 апр.